

ЭТОТ ТРУДНЫЙ ПИСАТЕЛЬСКИЙ ХЛЕБ

Сегодня самое время раскрыть «Биографический словарь эстонских писателей». Там, на 74-й странице, сказано: «Виллем Гросс, прозаик и драматург. Род. 11. I. 1922 в Тарту. В тот же год семья переехала в Кохтла-Ярве. После окончания местной начальной школы учился в ср. школе в Йыхви в 1937—1940 гг., в 1941 г. окончил 10-й класс Раквереской средней школы. Летом 1940 г. вступил в комсомол, был комсоргом школы и летом 1941 г. инструктором уездного комитета комсомола. В годы Великой Отечественной войны в рядах Эстонского стрелкового корпуса награжден орденом Славы III степени и медалями. Член КПСС с 1946 г. После войны работал журналистом. С 1950 г. член Союза писателей, с 1960 г. секретарь по оргработе Союза писателей, с 1971 г. секретарь».

Писательским дебютом Гросса словарь называет опубликованный в 1949 году рассказ «Молодые». Потом были забытые ныне короткие пьесы. И лишь затем пошли названия, известные всем читателям в республике.

Так заслуженный писатель СССР Виллем Гросс стал за два с небольшим десятилетия одним из самых плодотворных (и читаемых) эстонских авторов. Это наряду с работой секретаря Союза писателей, выполнением обязанностей секретаря партбюро и многочисленных других общественных заданий.

— В дни юбилеев принято оглядываться назад, в начало начал. Что привело вас в литературу?

— В последний год Великой Отечественной войны, когда каждый солдат знал, что война скоро закончится, смерть шла за нами так же, как и в ее начале. И тут я вдруг почувствовал, что если останусь жив, то обязательно напишу книгу обо всем пережитом на войне. Однако о войне я так и не написал.

— Почему?

— Много раз я вновь и вновь вспоминал и переживал те дни, чтобы засесть за книгу, и все же... Многие эстонские писатели писали о войне на основе того же опыта, что был у меня, и писали хорошо. Вряд ли я сумел бы добавить в эстонскую военную литературу что-то новое. Но фразментарно война присутствует во многих моих произведениях. Я не рискую выйти из круга миропонимания и мироощущения своего поколения, своих сверстников. Увереннее чувствую себя в том, что пережил сам.

Есть ведь замечательные писатели — Фейхтвангер, например, а у нас Яан Кросс, которые совершенно свободно чувствуют себя в далеком прошлом. А я нет, я не могу быть свободным вне своего опыта.

— Может, поэтому все ваши герои так связаны со временем, детерминированы им,

само время будто формировало их?

— Наверное, это так. В одном из своих произведений я попытался отойти от опыта своего поколения. Попытка эта, на мой взгляд, удалась мне плохо. Я затеял написать о забастовке шахтеров в Кивиули в 1936 году. Это — воспоминание детства. И хотя материал был, как будто, свой, распорядиться я им не сумел. Герой, который был старше меня по крайней мере на десять лет, оказался невероятно трудным для меня. Я так и не смог выпустить его во всей полноте времени и пространства его действия.

По характеру своему я не спортсмен. Сбив планку, я уже не делаю второй попытки. К материалу я теперь вернулся, но совсем с другого ракурса. Я верю, что каждый писатель имеет право возвращаться к своему детству. Социальную же необходимость темы я для себя уяснил давно. Без социальной необходимости я ничего не могу и не хочу писать.

Большие прозаические произведения трудны для писателя тем, что нередко сразу чувствуешь — не пошло. Роман «В переполненной лодке» был уже написан наполовину, однако получался не таким, как я его замыслил. Пришлось бросить. Переживал долго. А в один прекрасный день интуиция подсказала: может, попробовать в форме рассказа от первого лица. Тут совсем другие правила игры. Первого лица я всегда побаивался. Но на сей раз получилось.

— Но роман получился суровым. Самым суровым, пожалуй, если не считать «Мотивов умолчания». Вы вроде бы не оставили своим героям никаких надежд. Если бы не

Фото Калью Суура.

было Иллимара Индре и этого маленького музыканта, то впору потерять веру в завтрашний день.

— Меня интересуют беды времени, преломленные в душах людей, я пытаюсь найти причины страданий человека. Случай, описанный в романе, взят из жизни. Меня не интересовала духовная жизнь Кресты, медсестры (а ведь по-старому — сестры милосердия!), для которой больные — лишь средство обогащения. Но я задумался над тем, кому она приносит страдания. Матери? Отцу? Брату? Мужу? Так я нашел отца Кресты, старика Корна.

«Мотивы умолчания» — тоже из жизни. По поводу этой вещи критики упрекали меня в биологизме — видите, мол, по роману получается, что жажда крови заложена в генах. Но дело здесь не в генах, а в том, что слепая родительская любовь и бесконечное всепрощение могут воспитать преступника.

— Как вы относитесь к завершенным работам? Хотелось ли еще анализировать написанное или готовое произведение, наоборот, как бы отпускает автора?

— Самое мучительное время — когда работа только что завершена, когда я понимаю: все, больше я ею не занимаюсь. Рукопись идет к первому ее читателю, редактору. Вот в эти недели будто на сковороде сидишь. Пока тебе не сообщат, что мож-

но публиковать. Тогда напряжение спадает, и появляется интерес, схожий с интересом отца к взрослому сыну — пробьется ли?

— У вас никогда не возникало желания продолжить уже написанное произведение, написать вторую часть, посмотреть, что могло произойти с героем дальше?

— Нет, не возникало. Развитие общества ставит перед нами все новые проблемы, многие из них заставляют взяться за перо. Проблему всегда видишь в неразрывной связи с людьми. А раз новые проблемы — то и новые герои.

— Из-под вашего пера вышло немало теоретических и публицистических работ. Каким ваш взгляд на сегодняшнюю эстонскую литературу?

— Пишется и издается довольно много интересного, особенно прозы. Оценки всесоюзной критики положительные. Но, на мой взгляд, нельзя не признать некоторую узость тематики. Отмечена и склонность писателей к позиции стороннего наблюдателя, и с этим замечанием нельзя не согласиться. Отличная литературная техника может привести восторга специалиста, но пишем мы ведь не только для специалистов, не в этом миссия литературы.

Может, этой, в какой-то степени директивной, фразой и закончить нашу беседу.

Интервью взяла
ИМБИ ЕЛЕЦКАЯ.